

Лекция 6

Закон и заповеди. Обновление сердца

В начале 17-й главы Книги Исход рассказывается о том, что народ, мучимый жаждой в пустыне, опять стал роптать на Моисея.

И жаждал там народ воды, и роптал народ на Моисея, говоря: зачем ты вывел нас из Египта — уморить жаждою нас, и детей наших, и стада наши? Моисей возопил к Господу и сказал: что мне делать с народом сим? еще немного и побьют меня камнями. (Исх. 17, 3–4)

Удивительно, насколько кротко и беззлобно переносит подобное Моисей. Действительно, народ еще не дошел до осознания истины Божьей, не проникся Его святым учением — поэтому Господь многое прощает ему в надежде, что тот, образумившись, Его возблагодарит и прославит.

И сказал Господь Моисею: пройди перед народом, и возьми с собою *некоторых* из старейшин израильских, и жезл твой, которым ты ударил по воде, возьми в руку твою, и пойдя: Вот Я стану пред тобою там, на скале в Хориве, и ты ударишь в скалу, и пойдет из нее вода, и будет пить народ... (Исх. 17, 5–6)

Это место было наречено «Масса и Мерива» (ст. 7) — *מסה ומריבה* «*масá у-мривá*», что значит «искушение и ссора [или: „тяжба”]», т. е. место, где народ искушал (испытывал) Господа и ссорился с Моисеем. Тут важно отметить, что Господь сказал:

...Вот Я стану пред тобою там, на скале в Хориве... (Исх. 17, 6)

Хорив — *חֲרִיב* «*Хорéв*», т. е. «пустынный» — это одно из названий горы Синай, места будущего Богоявления. В момент ропота народ находился еще достаточно далеко от Хорива, так что Моисей, взяв с собой старейшин, проделал некоторый путь, прежде чем дошел до этой горы (Исх. 17, 5). Указание на то, что воды изошли из скалы в Хориве, подчеркивает масштабность чуда: чтобы напоить в пустыне трехмиллионный народ, из скалы должна была излиться огромная река. По преданию, она разделилась на двенадцать рукавов, и каждое колено пило из своего источника. Однако прежде чем чудо свершилось, Бог обещал Моисею, что Он исполнит желание народа:

...Вот Я стану пред тобою там, на скале в Хориве, и ты ударишь в скалу, и пойдет из нее вода... (Исх. 17, 6)

Здесь от Моисея потребовалось новое проявление веры. Апостол пишет об этом в Послании к Евреям:

...Он, как бы видя Невидимого, был тверд. (Евр. 11, 27)

Бог шел перед ним, являлся ему, «стоял пред ним», и Моисей «видел Невидимого!» Он был уверен, что любое чудо, даже совершенно противоречащее законам природы, по Божьей воле может произойти. В Новом Завете «камень», или скала, из которой потекли воды, рассматривается как прообраз Христа: он «по плоти» человек, но дух его источает «живую воду, текущую в жизнь вечную» и напоющую всякого жаждущего правды (Матф. 5, 6; Иоан. 4, 14; 7, 37–39; I Кор. 10, 4). Для того, чтобы постигнуть духовную природу Христа, надо «прозреть сквозь плотский покров», как бы «ударить в скалу», добраться до заключенной в ней «живой воды». Поэтому и сказано: «...ударить в скалу, и пойдет из нее вода...»

Однако, когда чудо уже совершилось и люди напились, у них появилось искушение рассматривать происшедшее как случайность или как следствие каких-то естественных причин. Ибо признать живое присутствие Господа и Его несказанную милость значит покориться Ему. Об этом сказано:

...Они искушали Господа, говоря: есть ли Господь среди нас или нет? (Исх. 17, 7)

Если ропот против Моисея еще можно было истолковать как следствие усталости и жажды, то сомнение и маловерие после явленного чуда являлось прямым искушением Господа. Узрев воочию Его благие чудеса, Его спасительный промысел и избавляющую десницу, народ тем не менее искушал Его:

...Есть ли Господь среди нас или нет? (Исх. 17, 7)

Это — вопрос, граничащий с богоотрицанием, так как сама его постановка предполагает, что, может быть, все произошло случайно, в силу каких-то неведомых законов природы или же вследствие человеческой мудрости Моисея. Таким образом, народ был близок к отрицанию непосредственного водительства Божьего. Следующий стих говорит о последствиях такого преступного безверия:

И пришли амаликитяне, и воевали с израильтянами в Рефидиме. (Исх. 17, 8)

Название «Рефидим» происходит от двух слов: רָפָא *рафа́* — «быть слабым», «изнемогать», «клониться» и יָדַי *йада́йим* — «руки». Это место, где «ослабевали руки» Моисея, молившегося о победе, и где ему потребовалась помощь в молитве. Однако, прежде чем стали ослабевать руки Моисея, «ослабли руки» всего народа, ибо воздетые руки в данном случае

символизируют веру. Молящийся человек по древневосточному обычаю воздевал руки к небу, обращаясь к Богу. Напротив, опускающиеся в бессилии руки — знак угасающей веры, слабеющей молитвы. И Моисею — предстоятелю и ходатаю за народ пред Богом — передавалось состояние израильтян, усомнившихся в присутствии Господнем после стольких чудес. За это-то народ и подвергся поражению от врага. Дикое племя амаликитян, происходящее от Исав (Быт. 36, 12), напало на евреев и, как сказано в другом месте Пятикнижия (Втор. 25, 17–18), побито отставших и усталых, оказавшихся позади движущегося стана. Предание говорит, что Исав завещал свою ненависть к Иакову именно Амалику, своему потомку, и амаликитяне воспользовались подходящим случаем. Почему же Бог допустил это? Дело в том, что неверие в Бога и искушение Его немедленно «отстраняют» защиту свыше — «снимают покров» с человека или целого общества, и беды получают к нему доступ.

И вот Моисей приказывает Иисусу Навину:

...Выбери нам мужей и пойдя, сразись с амаликитянами; завтра я стану на вершине холма, и жезл Божий будет в руке моей. (Исх. 17, 9)

Моисей, увидев, что «руки народа ослабли», и народ подвергается нападению темных языческих сил, должен мистически как бы «возместить» «опускание рук» народа возведением своих рук в молитве. Моисей поднялся на гору, воздел руки к Богу и обратился к Нему всем своим существом, чтобы уравновесить падение веры в народе преизбытком своей веры.

И когда Моисей поднимал руки свои, одолевал Израиль, а когда опускал руки свои, одолевал Амалик... (Исх. 17, 11)

Исход всякой битвы зависит от глубоко духовных, сокрытых причин. Молитва Моисея давала возможность Израилю одолевать врага. Поэтому, когда Моисей ослабевал в молитве, побеждал Амалик. Это же относится, очевидно, и к любой войне, духовной или физической.

...Но руки Моисеевы отяжелели... (Исх. 17, 12)

Неверие народа препятствовало усилиям Моисея. Ему было очень тяжело чувствовать сомнение и ропот соплеменников. Дело в том, что Моисей в каком-то смысле олицетворял соборную душу Израиля, в нем воплощалось высшее «я» всего народа. Поэтому состояние противления Богу, в котором пребывал народ, так ослабляло Моисея.

...Руки Моисеевы отяжелели, и тогда взяли камень и подложили под него, и он сел на нем, Аарон же и Ор поддерживали руки его, один с одной, а другой с другой стороны. И были руки его подняты до захождения солнца. (Исх. 17, 12)

В течение всего дня сидел он с поднятыми руками, поддерживаемый с обеих сторон. Древнееврейский текст говорит буквально, что руки Моисея были אָמֻנָא *эмунá* — «верой», или «твердостью», до захождения солнца, поскольку возведение их к небу свидетельствует о твердой уверенности

в Божьем содействии. «Эмуна» того же корня, что и «аминь» — «твердость в вере». Поэтому Моисей с поднятыми руками, обращающийся ко Всевышнему, являет собой образец истинной веры. Воздевая руки к Богу, человек должен быть полон безраздельной веры — только тогда возможна победа. Если же есть хоть малейшее сомнение, то «руки опускаются» и победа не наступает. В то же время Аарон и Ор, которые духовным соучастием поддерживают Моисея, вместе с ним образуют то сообщество трех молящихся праведников, чье прошение имеет великую силу пред Богом (ср. Матф. 18, 19–20).

И низложил Иисус Амалика и народ его острием меча.
И сказал Господь Моисею: напиши сие для памяти в книгу и внуши Иисусу, что Я совершенно изглажу память амаликитян из поднебесной.
И устроил Моисей жертвенник...
Ибо, сказал он, рука на престоле Господа: брань у Господа против Амалика из рода в род. (Исх. 17, 13–16)

Итак, победа над Амаликом была делом веры. Почему же сказано, что память об Амалике изгладится из поднебесной? И что означают слова: «рука на престоле Господа»? Амалик посягнул — «поднял руку», «замахнулся» — не на что иное, как на Царство Божье, на Его власть, ведь он хорошо знал о чудесах, явленных перед этим Самим Всевышним, и все же в своем безумии решил «противостоять» престолу Господню. И поэтому Амалик стал символом всякого богопротивника, который при этом еще и ненавидит народ Божий — Израиль. Потому и сказано, что «...брань у Господа против Амалика из рода в род»: имеются в виду духовные последователи Амалика — богоборческие силы, действующие на протяжении всей мировой истории. «Амалику» противостояли в течение столетий праведники, которым порой приходилось вести с ним открытую войну (как царям Саулу и Давиду — I Цар. 15, 7; 30, 18), а порой — борьбу скрытую (как, например, Мардохею — Есф. 3, 1–8).

...Следующая глава говорит о том, как Иофор, тесть Моисеев, привел к нему в стан его жену Сепфору и двух сыновей и, увидев все, что Господь сделал для Израиля, присоединился к Божьему народу.

Иофор радовался о всех благодеяниях, которые Господь явил Израилю, когда избавил его из руки египтян... (Исх. 18, 9)

Иофор, судя по всему, считал Моисея египтянином (Исх. 2, 19). Когда тот впоследствии покинул его дом, Иофор думал, что Моисей ушел к своим братьям египтянам (Исх. 4, 18). И только потом, по всей видимости свыше, Иофору было открыто, кто такой на самом деле его зять Моисей, к какому народу он принадлежит, и что Бог собирается сделать через этот народ для всего человечества. Поэтому Иофор и поспешил из земли Мадямской, находившейся недалеко от горы Хорив, чтобы своими глазами увидеть чудеса Господни. И когда он узнал обо всем происшедшем, то обратился к Господу всем сердцем, или «присоединился», «объединился», «приобщился» — *וַיֵּחַד* «*ййхад*» — к единству народа Божьего (в Синадальном переводе — «радовался»).

...И сказал Иофор: благословен Господь, Который избавил вас из руки египтян и из руки фараоновой, Который избавил народ сей из-под власти египтян;

Ныне узнал я, что Господь велик паче всех богов в том самом, чем они превозносились над *израильтянами*.

И принес Иофор, тесть Моисеев, всесожжение и жертвы Богу; и пришел Аарон и все старейшины Израилевы есть хлеба с тестем Моисеевым пред Богом. (Исх. 18, 10–12)

Здесь мы видим пример обращения к единому Богу Израилеву носителей светлых течений религиозной мысли древности. Ибо в любой языческой религии есть направление, признающее высшие светлые силы и основывающееся на древнейших традициях, восходящих ко временам Ноя. С другой стороны, в любой из них есть и направление, связанное с поклонением силам демоническим. Ясно, что Иофор принадлежал к тому течению в жречестве Мадиама, которое сохраняло воспоминание о Боге едином — не будем забывать, что мадианитяне происходили от самого Авраама (Быт. 25, 2). Эта часть языческого священства Мадиама обратилась к единому Богу и приняла откровение Монотеизма. Так происходило и со всеми европейскими народами, когда распространялось Христианство. Имевшиеся в среде жречества наиболее светлые силы переходили в Христианство, потому что в учении Евангелия они видели завершение стремления человека к истинному Богопочитанию. Однако в то же время существовали и темные силы среди волхвов, друидов, шаманов и т. п., которые сознательно противились Христианству и становились его кровными врагами, часто стараясь противодействовать ему изнутри, номинально становясь его приверженцами и даже служителями.

Что касается Иофора, то существует древнее предание о том, что он, будучи неудовлетворен религиозным состоянием собственного народа, стал искать истину, стремясь возвратиться к чистоте веры патриарха Авраама, за что и был отлучен от жречества и жил в бедности, так что его семья даже подвергалась притеснению со стороны местных пастухов (ср. Исх. 2, 16–19). Поэтому Моисею и «понравилось жить у сего человека» — искать истины, готового поступиться жизненными благами ради правды (Исх. 2, 21). И теперь, присоединившись к народу Божьему, Иофор дает Моисею драгоценный совет, касающийся суда. До этого Моисей сам решал все судебные тяжбы и очень уставал. Одновременно утомлялось и множество людей, ожидавших суда Моисея (Исх. 18, 13–18). Иофор же советует разделить народ на тысячи, сотни и т. д., с тем чтобы все маловажные дела решались на месте и только о самых значительных из них докладывали Моисею. Как видим, Моисей заимствует данную иерархию из древнего устройства мадиамской племенной и религиозной общины. Таким образом, все лучшее, что было в других религиозных системах, вбирается в религию монотеистическую.

Иофор советует Моисею:

...Итак, послушай слов моих; я дам тебе совет, и будет Бог с тобою: будь ты для народа посредником пред Богом и представляй Богу дела его... (Исх. 18, 19)

Однако и в этом случае, при всей видимой разумности совета своего тестя, Моисей может последовать ему не иначе как с позволения Всевышнего. И такое позволение дается. Обрадованный Иофор возвращается к своим соплеменникам, чтобы сообщить им о происшедших чудесах и склонить их к принятию истинной веры (Исх. 18, 27).

...В 19-й главе начинается повествование о Синайском откровении.

В третий месяц по исходе сынов Израиля из земли Египетской, в самый день новолуния, пришли они в пустыню Синайскую. (Исх. 19, 1)

«Третий месяц», названный после вавилонского пленения «Сиван», — месяц полного расцвета, переходный от весны к лету, срок жатвы пшеницы, время яркого солнечного сияния и торжества жизни. Если Пасха, исход — начало избавления, то Пятидесятница, Синайское откровение — его кульминация, дарование Закона.

И двинулись они из Рефидима, и пришли в пустыню Синайскую, и расположились там станом в пустыне; и расположился там Израиль станом против горы.

Моисей взшел к Богу на гору... (Исх. 19, 2–3)

Остановимся на этих словах. Оказывается, встреча с Богом происходит на горе, и человек должен совершить восхождение, чтобы узреть Бога.

...И воззвал к нему Господь с горы, говоря... (Исх. 19, 3)

Моисей уже «взшел на гору», но, несмотря на это, Господь «воззвал к нему с горы». Как бы высоко Моисей ни восходил, подняться до высшего уровня бытия, «достигнуть до Бога» он не мог. Он уже поднялся, казалось бы, на самую вершину, но Господь «воззвал к нему с горы» — и тогда оказалось, что Бог все равно несравненно выше, восхождение к Нему бесконечно. Именно поэтому слова

Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный. (Матф. 5, 48)

— это призыв к бесконечному восхождению, потому что никогда дух человеческий не сумеет достичь абсолютного совершенства, «стать как Бог»...

Моисей взшел к Богу на гору, и воззвал к нему Господь с горы, говоря: так скажи дому Иаковлеву и возвести сынам Израилевым... (Исх. 19, 3)

Почему в данном стихе народ называется двумя именами? Просто ли это пример обычного для языка Библии «параллелизма», архаичной тавтологии, или за этим кроется нечто более значимое? Иаков — первоначальное имя патриарха, означающее, как мы помним, «побеждающий», «запинающий» или «оставляющий след», «прообразный»; а Израиль — «царствующая, воспевающая, зрящая Бога» духовная сущность. «...Скажи дому Иаковлеву...» — касается тех, кто воспринимает Божественную весть на уровне первоначальном, внешнем: им следует только «сказать» о ней. Тем же, кто сумеет воспринять ее высший, духовный, смысл — «Израи-

лю», — необходимо «возвестить», т. е. обстоятельно объяснить все детали откровения.

...Вы видели, что Я сделал египтянам, и как Я носил вас как бы на орлиных крыльях, и принес вас к Себе... (Исх. 19, 4)

Бог носил Свой народ «как бы на орлиных крыльях». Когда орел учит птенцов летать, он поддерживает их крыльями в полете. Израильтяне уподоблены орлятам, которые должны освоить «воздушное пространство» — мир духовный. Верующий человек, до тех пор пока у него не «укрепятся крылья», на каждом шагу бывает направляем и укрепляем невидимой Господней помощью, чтобы ему не упасть (ср. Пс. 90, 11–12).

...Вы видели, что Я сделал египтянам, и как Я носил вас как бы на орлиных крыльях, и принес вас к Себе;

Итак, если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля... (Исх. 19, 4–5)

Это есть величайшее из всех Божьих обетований Израилю: «...будете Моим уделом из всех народов...» В первый период своей истории народ является Божим избранником из всех племен земли, чтобы все человечество через него научилось Богопочитанию. Однако в этих же словах содержится и предсказание о будущем назначении Израиля: быть Божьим уделом «из всех народов». Потому что в грядущие времена народ Божий сложится из всех народов, множество разных племен вступит в завет с Господом и составит единый народ. Так это происходило отчасти уже и в эпоху Авраама, семейство которого состояло как из «рожденных в доме его», так и из «купленных за серебро у иноплеменников» (Быт. 17, 12). Подобным образом и в новозаветные времена Церковь включила в свой состав представителей разных народов. Однако полное исполнение пророчества ждет нас еще впереди. Оно произойдет, когда все люди, составив единый народ Господень, будут повиноваться непосредственно Богу — «слушаться гласа Его», получать от Него откровения и «соблюдать завет Его». Об этом времени пророчествовал Исаия:

...И уши твои будут слышать слово, говорящее позади тебя: «Вот путь, идите по нему», если бы вы уклонились направо и если бы вы уклонились налево. (Ис. 30, 21)

Только тогда полностью сбудется обетование, данное израильтянам:

...А вы будете у Меня царством священников и народом святым; вот слова, которые ты скажешь сынам Израилевым. (Исх. 19, 6)

Это обетование постепенно проявляется в истории. Первоначально израильское общество было устроено теократически. Управлялся Израиль пророками и священниками, подобно тому как в пустыне его возглавляли Моисей и Аарон. Пророками (или «харизматическими вождями») были Иисус Навин и последующие судьи. Да и в более поздний период цари получали помазание на царство от пророков и священников. Самые важные

дела решались по жребию: Господа вопрошали через «урим и туммим» — специальные орудия подобного вопрошания (Исх. 28, 30; см. также наш комментарий на с. 559–560). Власть пророков и священников — частичное исполнение обетования о «священном царстве».

Однако есть и иной смысл в обетовании «вы будете царством священников», т. е. «народом, состоящим из священников». Предназначение народа еврейского — возвещать Единобожие и Закон Господень всему миру точно так же, как священник возвещает пастве волю Всевышнего. Готовясь к этой миссии, подчиняясь священникам и пророкам, народ постепенно сам должен становиться сообществом священников и пророков, служащим просвещению всего человечества. О таком предназначении Израиля говорится в Книге Второзакония:

Когда Всевышний давал уделы народам и расселял сынов человеческих, тогда поставил пределы народов по числу сынов Израилевых... (Втор. 32, 8)

Септуагинта передает это несколько иначе: «...поставил... по числу ангелов Божьих...» Оригинальный же древнееврейский текст гласит: «...по числу сынов Израилевых...» Значит, с самого начала, при расселении народов (по-видимому, после прекращения строительства Вавилонской башни — Быт. 11, 8–9), Господь предопределил, каким именно коленам, родам, семьям Израилевым поручено будет священство в том или ином народе «в последние дни» (ср. Ис. 66, 20–21).

Здесь нам открывается первоначальный и целостный замысел Божий обо всем человечестве и о месте народа Божьего в нем. Он заключается в том, чтобы возвысить человечество познанием Бога и Его Закона, освятить его и посредством этого постепенно возвратить в общение с Творцом.

И пришел Моисей, и созвал старейшин народа, и предложил им все сии слова, которые заповедал ему Господь.

И весь народ отвечал единогласно, говоря: все, что сказал Господь, исполним. И донес Моисей слова народа Господу. (Исх. 19, 7–8)

В лице Моисея мы видим посредника между Богом и народом. Моисей стал таким посредником потому, что величие Божье, могущество Его откровения недоступны восприятию обычного человека: он не может непосредственно воспринимать Бога — Божий глас, Божий образ. При таком явном воздействии Божественного он может умереть, ибо сердце его не очищено настолько, чтобы оно могло отражать ослепительный, непереносимый для грешника свет Божества. Этот свет достигал народа Израилева главным образом через Моисея, который один был достоин и оказался в силах непосредственно предстать лику Божьему.

И сказал Господь Моисею: вот Я приду к тебе в густом облаке, дабы слышал народ, как Я буду говорить с тобою, и поверил тебе навсегда... (Исх. 19, 9)

Бог приходит «в облаке»: Он сокрыт от глаз народа, и в то же время Его явление очевидно. «...Дабы слышал народ, как Я буду говорить с тобою...» — если бы Бог долго говорил вслух всему народу, тот мог бы по-

гибнуть, не выдержав такого притока Божественной силы. Бог говорил через Моисея — и только Десять Заповедей, изреченных непосредственно устами Божьими с горы Синай, услышал весь народ.

И сказал Господь Моисею: пойдя к народу и освяти его сегодня и завтра; пусть вымоют одежды свои,

Чтоб быть готовыми к третьему дню: ибо в третий день сойдет Господь пред глазами всего народа на гору Синай;

И проведи для народа черту со всех сторон, и скажи: берегитесь восходить на гору и прикасаться к подошве ее; всякий, кто прикоснется к горе, предан будет смерти... (Исх. 19, 10–12)

Преждевременное восхождение или даже прикосновение к тайнам Божьим, которые и символизирует гора Синай, смертоносно. Неподготовленному уму человеческого, неочищенной душе и не достигшему определенного уровня восприятия духу строгой запрещается не только «восходить на гору», но даже «прикасаться к подошве ее». Адам погиб для мира духовного, стал смертным вместе с потомством своим именно тогда, когда дерзнул «познать добро и зло», осмелился вкусить от древа познания прежде, чем Бог разрешил ему это. А ведь в ту пору еще не сформировались до конца его высшие способности, не окрепла душа, не возмужал дух. Если бы укрепление ума и чувств, раскрытие духовных свойств уже совершилось, тогда Адам получил бы право вкусить от древа познания. Однако змий сделал все для того, чтобы соблазнить Адама, навести его на мысль отведать плод преждевременно. Так же точно прикосновение к тайнам духовного мира для человека, который к этому еще не готов, может стать для него губительным.

И сошел Моисей с горы к народу, и освятил народ, и они вымыли одежду свою.

И сказал народу: будьте готовы к третьему дню; не прикасайтесь к жезлам. (Исх. 19, 14–15)

Освящение духовное предполагает освящение и физическое, подразумевает воздержание, очищение и омовение, ведь в человеке дух, душа и тело связаны между собой очень тесно, так что осквернение одной из этих сфер почти всегда приводит к нарушениям и в других.

На третий день, при наступлении утра, были громы и молнии, и густое облако над горою, и трубный звук весьма сильный; и вострепетал весь народ, бывший в стане. (Исх. 19, 16)

В Синайской пустыне нечасто бывают грозы, а если они и случаются в тех местах, то это обычно происходит ночью. Здесь же все происходило при наступлении утра: «...громы и молнии, и густое облако над горою...» Откровение Божье сокрыто «густым облаком»: множеством покровов окружает явление Свое Всевышний, чтобы оно было безопасным для души человеческой. «...И вострепетал весь народ, бывший в стане»: дух человеческий родствен Божеству, потому что Бог вдохнул в человека от Духа Своего, «...и стал человек душою живою» (Быт. 2, 7). Дух человека, его высшее «я» — как бы частица, искра Божья, он одной природы со своим

Источником. И поэтому с приближением Бога дух человеческий трепещет, словно бы порывается выйти Ему навстречу, воссоединиться со своим Источником и Началом. Однако для земной жизни человека это представляет большую опасность. Всякий, кто узрит Бога, как сказано во многих местах Библии, должен умереть: дух оставляет тело и устремляется навстречу своему Творцу. Потому-то весь народ и «вострепетал», почувствовав близость Всевышнего.

И вывел Моисей народ из стана в сретение Богу, и стали у подошвы горы. (Исх. 19, 17)

Моисей вывел народ в иерархическом порядке, построив его определенным образом, расположив по коленам, родам и т. д. Для того чтобы сохранить духовное в материальном, дух в теле, требуются гармония, строение, закон, лад и ритм. И только такое расположение стана, такой порядок предохраняют его от хаотических порывов, придают ему устойчивость для достойной встречи с Богом. Моисей сделал все, чтобы люди благоговейно встретили Бога и в то же время остались в живых.

Гора же Синай вся дымилась оттого, что Господь сошел на нее в огне; и восходил от нее дым, как дым из печи, и вся гора сильно колебалась; И звук трубный становился сильнее и сильнее... (Исх. 19, 18–19)

Всякое творение Божье, любое явление природы, в том числе и гора, обладает реальностью только в той мере, в какой оно «отделено великой завесой» от Источника своего бытия, от Господа. Когда Господь, образно говоря, «далеко» (хотя на самом деле Он присутствует всегда и всюду), когда таинственная «завеса» отделяет Его присутствие, тогда творение представляется неизбежно утвержденным. Однако стоит приблизиться Господу, как все сотворенное, обладающее по сравнению с Ним лишь низшей степенью реальности, начинает «колебаться», словно «превращаясь в дым»: «...Восходил от нее дым, как дым из печи...» Гора — казалось бы, твердая, надежная реальность — на глазах стала терять свои очертания, «дымиться». Это подобно тому, как во сне человек созерцает все предметы и явления в правильном порядке, все вокруг него кажется соразмерным и логичным. Однако если начать его будить, образы сна станут терять реальность, колебаться, сливаться, обращаться в хаос. Приближение Господа приводит дух человеческий в такое состояние, что он приобщается к высшему измерению бытия, и поэтому вещественный мир для него начинает терять свою стойкость, неизбежность — «колебаться» и «превращаться в дым». Он становится иллюзорным перед величайшей истиной, которую представляет собою явление Самого Бога. И для того чтобы народ смог в течение некоторого времени воспринимать голос Божий, он был временно помещен на грань двух реальностей — земной и высшей: материальные предметы не казались уже неизбежными, все как бы теряло свои очертания.

...И звук трубный становился сильнее и сильнее. Моисей говорил, и Бог отвечал ему голосом.

И сошел Господь на гору Синай, на вершину горы, и призвал Господь Моисея на вершину горы, и взошел Моисей. (Исх. 19, 19–20)

Как же понимать выражение «сошел Господь»? Слава Божья наполняет весь мир, Бог вездесущ, т. е. Он присутствует всюду, всегда и везде. Как же Он в таком случае «сошел на гору Синай»? Ответ таков: на этом священном месте открылось, стало явным для людей присутствие Божье. Как говорят комментаторы, «чуть-чуть приподнялась завеса», которая во всех других случаях скрывает присутствие Божье и дает человеку возможность ощущать себя самостоятельным, независимым существом, словно бы оставленным на произвол судьбы. Однако в святых местах завеса немного приподнимается, и величие Божье оказывается как бы приближенным, «приоткрытым». Так было с патриархом Иаковом, когда он увидел во сне лестницу от земли до неба на месте будущего иерусалимского Храма, так происходило и со всем израильским народом у горы Синай. И так происходило в более поздние времена в иерусалимском Храме, а до того — в Скинии, где Господь являлся Моисею и первосвященникам и открывал им Свою волю.

И сказал Господь Моисею: сойди и подтверди народу, чтобы он не порывался к Господу видеть *Его*, и чтобы не пали многие из него... (Исх. 19, 21)

Здесь не сказано, что пасть могут все, но — «многие». В народе есть отдельные духовидцы, которые устоят при восхождении на гору, как это впоследствии произошло со старейшинами. Однако ради тех, кто может при этом погибнуть, восхождение запрещается всем, потому что неподготовленный человек не может встретиться с Богом «непосредственно» без опасности для жизни.

...Священники же, приближающиеся к Господу, должны освятить себя, чтобы не поразил их Господь. (Исх. 19, 22)

Итак, дух, приближающийся к Богу, готовящийся к «священству», должен обязательно «освятиться», т. е. очиститься.

И сказал Моисей Господу: не может народ взойти на гору Синай, потому что Ты предостерег нас, сказав: проведи черту вокруг горы и освяти ее. (Исх. 19, 23)

Собственно говоря, разнообразные религиозные установления, обряды, обычаи — это и есть некоторый аналог проведению той «черты» вокруг горы Синай, которую не должен преступать человек. Чем более развита душа, тем более стремится она к невидимому, неведомому и высшему, тем более «порывается» она к Богу. И поэтому установлена та «черта», не переступая которой любой человек может безопасно для своей жизни, для своего развития черпать духовную силу из Божественного источника. «Переходя черту», человек находится в великой опасности. Древний змий, который соблазнил Адама в раю, не спит и не дремлет, он и в наше время распространяет всевозможные оккультные учения, связанные, с одной стороны, с тайнами мироздания, а с другой — с демоническими силами. И это делается для того, чтобы человек вторгался, словно бы в некоем безумном порыве, в то «пространство», которое для него закрыто, чтобы

он совершал безрассудные попытки «взойти на гору» и бывал при этом поражен.

И Господь сказал ему: пойдя, сойди, потом взойди ты и с тобою Аарон; а священники и народ да не порываются восходить к Господу, чтобы не поразил их.

И сошел Моисей к народу, и пересказал ему. (Исх. 19, 24–25)

Восхождение человека к Богу должно совершаться постепенно и гармонично. Бог есть любовь (I Иоан. 4, 8), а одно из проявлений любви — мировая гармония. И поэтому все то, что связано с дисгармонией в человеке, неумогодно Богу и заканчивается поражением.

И для того, чтобы установить гармонию как во внутреннем мире каждого, так и в отношениях между людьми, Господь «вслух всего собрания» (Втор. 31, 30) произносит Десять Заповедей, которые должны стать началом, серединой и концом всего нравственного пути человечества. Десять Заповедей были впоследствии записаны на двух каменных скрижалях, по пять на каждой, и вручены Моисею. По слову Писания, заповеди наносились на скрижали перстом Божиим, т. е. Духом Божиим (ср. Исх. 31, 18 и Лук. 11, 20). Текст был начертан на обеих сторонах скрижалей (Исх. 32, 15), притом так, что при сопоставлении их обеих оказывалось, что Первой Заповеди соответствовала Шестая, Второй — Седьмая и т. д.

Перейдем к чтению самих Десяти Заповедей, называемых Десятисловием, или Декалогом (Исх. 34, 28; Втор. 4, 13).

И изрек Бог все слова сии, говоря... (Исх. 20, 1)

Вступление к Декалогу принадлежит Моисею, далее следует прямая речь Самого Всевышнего от первого лица. Моисей подчеркивает, что все содержание Декалога от первого до последнего слова передано народу голосом Господним, без какого-либо посредника. И этим, конечно, подтверждается центральное, главенствующее, положение Десятисловия как в Законе Божьем, так и в нравственном развитии человека.

Итак, Первая Заповедь:

...Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства. (Исх. 20, 2)

Заповеди начинаются с «Я» — יְהוָה «Анохи́». Это есть высшее «Я», надмирное «Я» Творца и Промыслителя. И как же далеко в сторону должно отступить низшее человеческое «я», эгоистичное, гордое и самодовольное, чтобы дать место всеобъемлющему, высшему «Я» Господа Бога! Чем сильнее в человеке его эгоистическое «я», тем менее он способен воспринимать присутствие Божье, потому что абсолютным, настоящим бытием владеет только Господь. Все остальное существует лишь в той мере, в какой Господь уделяет ему частицу Своего бытия. Поэтому в высшем смысле нет вообще ничего иного, кроме Бога, ведь в сравнении с Ним любое иное бытие можно назвать иллюзорным, кажущимся. И словно бы «устраняя», «сокрывая» Свое вездесущее присутствие от всего сотворенного, Господь дает место в мире иным существам. То, что мы живем и сознаем

себя — это не только великий дар Божий, но и в каком-то смысле самоограничение Его «Я». С этого «Я» начинается Бог Десять Заповедей. «Я Господь», — говорит Он.

Мы знаем, что Господь есть Вечносущий, Тот, Кто был, есть и будет. Это и есть значение Его святейшего имени, так называемого Тетраграмматона (см. с. 54–55 и 320–321). Казалось бы, достаточно было сказать: «Я Господь», т. е. «Я Тот, Кто был, есть и будет, Всеобъемлющий, Всемогущий, Всеведущий», чтобы внушить благоговение к Себе, страх и любовь. Однако Бог настолько нисходит к человеку, что говорит: «Я Господь, Бог твой...» Сколь же велика любовь Божья к человеку, если Он, Творец всего, не стыдится называть Себя «Богом твоим»! Он как бы устанавливает тем самым близкие, диалогические отношения между Собой и людьми. И более того — отношения, основанные на любви: Бог словно бы отдает, посвящает Себя человеку... Это величайшая, небывалая, не имеющая в мире никаких аналогий любовь. Что бы ни сделал человек для человека, как бы он ни любил его, что бы ни сделали для человека высшие духовные существа — ангелы, архангелы и другие, — все это исчезает в ослепительном сиянии слов: «Я Господь, Бог твой...» Ибо Всевышний, Бесконечный, Всемогущий как бы нисходит до уровня человека и говорит ему: «Я — твой Бог», устанавливая с ним этими словами отношения любви. И мало того: не просто «Бог твой», но «...Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства». Народ мог осознать заботу Бога, признать и принять близость Его, только выйдя из рабства, уразумев, что всей своей жизнью, своей свободой и ежедневным существованием (потому что с неба уже падала манна, а из скалы текла вода) он обязан только Богу. Так и в наше время человек лишь тогда «дает место» великому «Я» Божьему, когда начинает осознавать, что он каждый миг буквально «возрождает», «заново создаем» Богом из небытия, что без Бога он не существовал бы вообще. Как говорит псалмопевец:

...Скроешь лицо Твое — мнуттся, отнимешь дух их — умирают и в персть свою возвращаются... (Пс. 103, 29)

И к каждому из нас, а не только к древним израильтянам, относится пронзительный, грому и трубному звуку подобный, призыв Первой Заповеди:

...Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства... (Исх. 20, 2)

Выйдя из рабства греху, из страны смерти, из обители тьмы, человек осознает, что существует истинный Бог, и тогда он начинает душой ощущать Его присутствие. И для такого человека становятся актуальны слова Второй Заповеди:

...Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим. (Исх. 20, 3)

Буквальный смысл еврейского выражения יְהוָה לִּי «аль панай», переведенного «пред лицом Моим», — «кроме Меня», «сверх Меня». Тут подразумевается также, что «другие боги», т. е. те начала, которые самовольно

обожествляет и которым поклоняется человек, «скрывают», «заслоняют» от него Божий лик, как бы становясь между ним и ликом Господним. Действительно, словно бы неким экраном пред лицом Божиим, некой ширмой становится все то, чему поклоняется человек помимо Единого. Подобным лжебогом может быть как буквальный идол — деревянный, каменный, медный, золотой, серебряный, так и просто что-то очень ценное для данного человека, по сути же ничтожное само по себе, например собственное его чрево. Апостол об этом говорит так:

...Их бог — чрево... (Флп. 3, 19)

Лжебогами могут быть плотские наслаждения, лжебогом может стать и гордость: человек превозносится даже перед Богом, стремится любым способом и любой ценой прославиться и т. д. Что бы ни представлял собой лжебог, он — всего лишь преграда, скрывающая лик Божий. Ни один из лжебогов не может вывести человека из Египта, не может спасти его, не является и причиной его жизни.

Посмотрим, какие же заповеди второй скрижали соответствуют рассмотренным нами заповедям. Первой Заповеди соответствует Заповедь Шестая, открывающая собой текст второй скрижали:

Не убивай. (Исх. 20, 13)

Десять Заповедей на скрижалях подобны пальцам на руках — на каждой по пять. И если на первой скрижали начертаны слова, определяющие отношения между человеком и Богом, то на второй — те повеления, которые приводят в гармонию отношения между людьми. Когда книжники спросили Иисуса, какая заповедь наибольшая в Законе, он ответил:

...Первая из всех заповедей: слушай, Израиль! Господь, Бог наш, есть Господь единый;

И возлюби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, — вот первая заповедь!

Вторая, подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной, большей сих, заповеди нет. (Марк. 12, 29–31)

И еще добавил:

...На сих двух заповедях утверждается весь Закон и Пророки. (Матф. 22, 40)

В греческом тексте данного изречения Иисуса стоит глагол *κρέματα* «крэматай» — «висеть»; таков перевод и в церковнославянском тексте Евангелия. На этих двух заповедях «висят» весь Закон и Пророки, т. е. «поддерживаются» ими не снизу, а сверху: весь Закон Моисеев и все Пророки словно бы «повешены» на приведенных двух заповедях. А это значит, что все содержание первой скрижали объемлется словами:

...И возлюби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею... (Марк. 12, 30)

Содержание второй скрижали кратко передается предписанием:

...Возлюби ближнего твоего, как самого себя... (Марк. 12, 31)

Так почему же Первой Заповеди, провозглашающей единство Божье, соответствует Шестая (первая на второй скрижали): «Не убивай»? А потому, что каждый, уразумевший и принявший смысл Первой Заповеди «Я Господь, Бог твой...», прежде всего не может и не должен убивать другого человека. Он должен чтить образ Божий именно в человеке, который и сотворен по этому образу (Быт. 1, 26; 9, 6). Поэтому заповедь «Я Господь, Бог твой...» подразумевает и такое истолкование: «Я Тот, Кто дал жизнь как тебе, так и ближнему твоему».

Продолжим чтение Второй Заповеди:

Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли;

Не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода ненавидящих Меня,

И творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои. (Исх. 20, 4–6)

Вторая Заповедь вытекает из Первой: познавший единого истинного Бога должен отринуть всех ложных богов, удалить их из своего сознания, из своих чувств и из всей своей жизни. Древнееврейский текст запрещает поклоняться как объемному изображению, статуе — פסל *пэсель*, так и изображению плоскостному, картине — תמונה *темунá*; в Синодальном переводе эти названия переданы как «кумир» и «изображение». Здесь имеется в виду запрет на изготовление подобных предметов лишь для поклонения им. Данная заповедь не запрещает, вопреки мнению некоторых ложных толкователей, изобразительные искусства. Отнюдь нет: другие части Закона Божьего прямо предписывают, например, изготовить для Скинии завета (переносного Храма в пустыне) изображения ангелохерувимов (ср. Исх. 25, 18–20). Запрещено лишь поклоняться изображениям, которые почитаются язычниками вместо истинного Бога.

Такого рода «кумиром», которому поклоняются, может стать, во-первых, нечто очень «ценное» и «высокое» — то, «что на небе вверху». Им может оказаться философская теория, этическая система, те убеждения, которые человек ставит превыше всего. Конечно, здесь могут иметься в виду и светила — «солнце, луна и звезды» (Втор. 4, 19), и небожители — ангелы и др. (ср. Откр. 22, 8–9). Во-вторых, «кумиром» может стать и нечто гораздо более низменное — то, «что на земле внизу», например, успех самого человека, его слава или богатство. И, наконец, в-третьих, кумиром способно оказаться нечто совсем ничтожное — то, «что в воде ниже земли». Даже, казалось бы, совершенно мерзостные вещи или деяния могут стать объектом поклонения и заслонить от человека Господа. Однако ведь все, что сотворил Господь, будь то на небе, на земле или «в воде ниже земли», — все принадлежит Ему, живет только Его милостью, лишь Его Духом поддерживается и существует. И поэтому поклонение творению

вместо Творца — великий грех. Как если бы человек, входя в церковь, принял за Бога даже не священника, а, скажем, поддерживающую свод колонну, и стал бы ей поклоняться. Примерно так и выглядит в глазах духовно зрячих людей идолопоклонник, потому что весь мир есть Храм Божий, весь он полон присутствия Его; но можно целиком сосредоточить свое внимание на каком-нибудь третьестепенном предмете и посвятить ему жизнь, поклоняясь чему-то ничтожному и жалкому.

Вторая Заповедь сообщает нам также, что Господь есть «Бог ревнитель», по-древнееврейски קִנְיָן לֵאלֹהִים «Эль канá». Ревность — чисто человеческое чувство и свойство, связанное с любовью или иными отношениями между людьми. Казалось бы, такое определение, как «ревнитель», плохо применимо к Богу — всемогущему и самодостаточному. Однако Он не случайно называется «ревнителем», потому что тот дух, который Творец вдохнул в человека, имеет на земле свое точное предназначение, выполняет свою определенную миссию. Человек живет для того, чтобы исполнять волю Божью. И поэтому Бог не оставляет человека на произвол собственных его желаний, но словно бы «ревнует» его и карает, если тот отступает от заповедей. Когда человек выбирает недолжное, Бог вразумляет и наказывает его до тех пор, пока он не выберет должный путь. Господь есть в некоем таинственном смысле Возлюбленный души человеческой, Который не переносит рядом с Собой никаких соперников, тем более, что все они крайне ничтожны и недостойны, а Он — обладатель всех совершенств (ср. Пс. 113, 11–17). Все, что превозносит человек и перед чем он преклоняется вне Бога, поклонения недостойно. В то же время все то, что человек как бы «вводит в присутствие Божье» и во что он как бы «разрешает вступить» Божьему величию, — все это становится прекрасным и достойным. И сказано еще, что Он «...Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода...» Однако Он наказывает лишь тех, кто ненавидит Его («ненавидящих Меня» — Исх. 20, 5). Почему же Он наказывает? Неужели из-за того, что ожесточается против ненавидящих Его? Нет, его наказание всегда проистекает из любви. Любовь Божья ведет человека к высшему совершенству и блаженству. Тем не менее она же становится «огнем пожигающим» (Евр. 12, 29), если человек не верен своему предназначению. Да и родители наказывают ребенка, когда он плохо себя ведет, не для того, чтобы поиздеваться над ним или отомстить ему, а только для того, чтобы исправить и наставить на путь истинный. Таково и наказание Божье. И не случайно в Притчах Соломоновых наказание Божье сравнивается с отеческим вразумлением:

Наказания Господня, сын мой, не отвергай, и не тяготись обличением Его;

Ибо кого любит Господь, того наказывает и благоволяет к тому, как отец к сыну своему. (Прит. 3, 11–12)

Однако если в процитированном месте из Притчей словом «наказание» переведено древнееврейское מוּסָר «*musár*» — «наставление», «поучение», «вразумление», то в тексте Второй Заповеди Бог именуется יְיָ אֱלֹהֵינוּ «*покéd авón*» — «посещающий грех», «карающий грех», т. е. имеет в виду тяжелая кара. И карает Бог только ненавидящих Его, тех, которые повторя-

ют грехи отцов. Нельзя отсюда делать вывод, что человек наказывается за вину других, в данном случае своих предков. Это постановление Божье имеет в действительности очень глубокое духовное измерение и связано с предбытием человека. Дух человеческий в своем предбытии является как бы «отцом» самому себе. За грех, который был совершен прежде данного земного рождения, человек может быть наказуем теперь (см. с. 66–67). Однако Бог есть также и «творящий милость до тысячи родов» любящим Его и соблюдающим Его заповеди. Если наказание простирается только до «третьего и четвертого рода», то благоволение и милость — до «тысячи родов». Насколько же милость превалирует над строгостью! И мы можем быть уверены, что даже та доля строгости, которая здесь упомянута, служит только и исключительно благу — исправлению грешника. Так что и она — своего рода «преломление», разновидность милости «в приложении» к грешнику.

Второй Заповеди соответствует Седьмая, начертанная на второй скрижали:

Не прелюбодействуй. (Исх. 20, 14)

Прелюбодеянием в Библии называется взаимно-добровольная связь мужчины с замужней женщиной (или с обрученной) — Лев. 20, 10; Втор. 22, 23–27. Этой заповедью запрещается нарушать супружеские права другого человека, разрушать целостность его брака. Соответственно уклонение от Бога к идолам во многих местах Священного Писания, особенно у пророков, сравнивается с прелюбодеянием. В таких случаях народ Божий представляется в виде неверной жены, оставляющей Мужа юности своей, Которому она обязана жизнью, пропитанием и изобилием, и идущей за чужими — «любовниками», которые не в силах принести ей ни блага, ни мира, ни тем более спасения (Иер. 2, 1–6 и 32–37; 3, 1–12; Ос. 2, 2–16 и др.). Душа идолопоклонника «прелюбодействует» с идолами, с началами немощными, вещественными, ничтожными, забывая единого Возлюбленного своего — Бога. Поэтому заповеди «Не делай себе кумира...» и «Не прелюбодействуй» находятся рядом.

Что же предписывает Третья Заповедь?

Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно. (Исх. 20, 7)

Ни одно из имен Божьих (на любом языке) не должно «произноситься напрасно» и тем самым оскверняться в речи или на письме. «Напрасно» — так переведено древнееврейское לִשְׁוֵא «*lisháv*», а буквальный перевод такой: «Не прилагай имени Господа, Бога твоего, к ничтожному [или: „ко лжи“]». Нарушает этот запрет тот, кто клянется именем Божьим при лжесвидетельстве, употребляет его напрасно, некстати, в легкомысленных, непристойных речах и т. д. Человек, как и общество, как и все мироздание, «выстроен» иерархически и может быть уподоблен Храму (I Кор. 3, 16). В самой сердцевине его личности, его внутреннего «я», в «духовном сердце», находится место, которое по аналогии с Храмом может быть названо «Святое святых». Если же для человека нет ничего святого, ни-

чего высшего, то такой человек теряет свое предназначение, падает настолько низко, что недостойн называться человеком.

Святое святых — самая священная часть Храма, или Скинии (Исх. 40, 21–22; III Цар. 6, 16); самая священная часть Святого святых — ковчег завета, главная святыня в нем — две скрижали, а на них превосходящей весь остальной текст святостью обладает имя Божье. Величайшая из всех святынь — имя Господне — коренится во внутреннем, духовном сердце человека, и ничто нечистое не должно пребывать в соседстве с ним, потому что заповеди Божьи в человеке должны быть начертаны

...Не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца.
(II Кор. 3, 3)

Именно на сердцах пишется Закон Божий в Новом завете (Иер. 31, 31–33). И потому очищение сердца — духовного святилища — первостепенная обязанность всякого верующего (Матф. 5, 8). Если человек позволяет себе осквернять самое святое, т. е. «напрасно» или «во лжи» произносит имя Божье, то оскверняется все его существо, он весь становится скверным и нечистым. Если враг захватывает столицу государства, разрушает ее храм и овладевает главной, драгоценнейшей святыней, то ясно, что он в данный момент одержал полную победу. То же происходит, когда подвергается поруганию в человеке самое святое — имя Господне. И этой Третьей Заповеди соответствует Восьмая, начертанная на второй скрижали:

Не кради. (Исх. 20, 15)

На уровне чисто земном тот, кто клянется именем Божьим во лжи, делает это чаще всего для того, чтобы присвоить чужую собственность. А каков же сокровенный смысл сопоставления двух названных заповедей? Тот, кто произносит имя Божье напрасно, как бы совершает «кражу» на самом высшем духовном уровне: он как бы «низводит имя Божье с высоты», прилагая его к чему-то недостойному. Он ложь подтверждает высшей правдой — самим именем Божьим, иначе говоря «крадет». И Тора говорит, что «...Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно». Это наказание осуществляется прежде всего самим же человеком, нарушающим заповедь: он оскверняется, делается недостойным, лишается наивысшего — своей связи с Создателем. А Христос сказал:

Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? (Марк. 8, 36)

И в ближайшей связи с Третьей находится Четвертая Заповедь, тоже касающаяся освящения человека, на сей раз во времени. В ней оговариваются некоторые условия общения человека с его Создателем:

Помни день субботний, чтобы святить его;
Шесть дней работай и делай всякие дела твои,
А день седьмой — суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришелец, который в жилищах твоих;

Ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его. (Исх. 20, 8–11)

Четвертая Заповедь говорит о «месте встречи» души человеческой, возлюбившей Бога, с ее Возлюбленным. Такое «место встречи» и есть день субботний. Среди суеты, среди всевозможных дел, среди погруженности в земное человек должен очнуться, прийти в себя и вспомнить о Боге. Это происходит в особый, святой, день, для того отведенный. Данный день, как мы знаем, Бог «отделил» для Себя от сотворения мира:

...Благословил Бог седьмой день и освятил его... (Быт. 2, 3)

И седьмой день каждой недели соответствует Седьмому Дню, с наступлением которого было доведено до совершенства и закончено творение Божье (Быт. 2, 1–2). Соответственно и человек должен завершить к данному дню некий «шестидневный цикл» своей деятельности, чтобы в субботу «встретиться с Богом», дать ему отчет. Это день, в который человек должен отрешиться от всякой обычной работы, от всего обыденного, чтобы взискать Господа, обратившись к Нему с молитвой, и изучать слово Божье, запечатленное в Священном Писании. Именно на данный аспект празднования Седьмого Дня указал Иисус Христос, сказав:

...Суббота для человека, а не человек для субботы... (Марк. 2, 27)

Это день, когда человек должен соединиться с ближними своими, верующими в Господа, чтобы вместе с ними устремиться помыслом и чувством к Нему. Это день, когда Церковь собирается, чтобы прославлять Бога. Потому и сказано: «Помни день субботний, чтобы святить его...» Чтобы по-настоящему святить субботу, о ней надо помнить в течение всех шести предшествующих дней, и все, чем занимаешься в остальные дни, стараться совершать во славу Божию. Тогда и можно будет предстать с чистым сердцем, чистыми руками и светлыми глазами пред Богом в день субботний, «войти в покой Его» (Евр. 4, 1–10).

И день субботний предписано праздновать не только в честь завершения Шести Дней творения, но и в честь исхода из Египта. В параллельном месте Книги Второзакония, где повторяется текст Десяти Заповедей, говорится:

...Помни, что ты был рабом в земле Египетской, но Господь, Бог твой, вывел тебя оттуда... потому и повелел тебе Господь, Бог твой, соблюдать день субботний... (Втор. 5, 15)

Этих слов нет в первоначальной формулировке заповеди (Исх. 20). Слова о связи субботы с исходом из Египта не были произнесены Самим Господом с горы Синай, а принадлежат Моисею, изъяснявшему для народа глубинный смысл заповедей:

...Начал Моисей изъяснять Закон сей... (Втор. 1, 5)

В знак освобождения от порабощения «немогшими и бедными вещественными началами» (Гал. 4, 9), в знак избавления от грубого материализ-

ма, от веры в то, что, кроме материи ничего не существует, каждый верующий должен праздновать «день встречи своей с Богом» — субботный день.

«...Шесть дней работай и делай всякие дела твои...» Заметим, что данная заповедь предписывает не только отдых, но и труд, притом постоянный и упорный, в течение шести будних дней; некоторые упускают это из виду, видя в Четвертой Заповеди предписание только о покое. «...А день седьмой — суббота Господу, Богу твоему...» Дух человека исшел от Бога и возвратится к Богу (Еккл. 12, 7). И память об Истоке и о будущем Устье своем он должен постоянно сохранять. «...Не делай в оный никакого дела...» В древнееврейском тексте тут стоит слово מלאכה *мелакá* — «ручной труд», «физическая работа». Следовательно, в субботу предписано заниматься только деятельностью духовной — молитвой, изучением Писания, размышлением. Обычными делами не должны заниматься «...ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой...» Господь таким образом предписывает заботиться не только о членах своей семьи, но и о людях зависимых (о «рабе», вернее «работнике», עבד *эвед*), — именно таково значение данного слова), а также о домашних животных. Таков на уровне буквального толкования смысл предписания о покое в день субботный.

Однако каков же его символический смысл? Разум может быть уподоблен сыну — как «мужественное», мыслящее начало, «рожденное» духом человека. И в субботу разум-«сын» должен «покоиться», не занимаясь плотским умствованием, но размышляя о Божественном. Под дочерью же может подразумеваться душа — эмоциональная сфера, также «рожденная» духом. «Дочь» тоже должна «покоиться» в субботу, отдыхая от обычных плотских тревог, переживаний и страстей, обращая все желание свое и любовь к Господу. Однако существуют у человеческого духа также «раб» и «рабыня» — начала, как бы параллельные разуму и душе, но низшие — рассудок и влечение, — которые тоже должны покоиться в святой день. Под «скотом» же может иметься в виду начало телесное — оно тоже должно отдохнуть от трудов. И даже «пришелец, который в жилищах [точнее „во вратах“] твоих», должен покоиться. Человек не исчерпывается всем тем воспринимаемым и осознаваемым, что в нем заключается. Какая-то часть его сущности находится «во вратах», не входит видимым образом в сферу его бытия. Благословение «субботного покоя» должно охватить и эту часть человека — его подсознание, его неуправляемые желания, — чтобы весь он в целом ощутил благодать...

...Ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил... (Исх. 20, 11)

И поэтому тот, кто празднует этот день, возглашает тем самым Царство Божье, свидетельствует, что Бог есть Творец всего: знак принятия Его Царства — полное отрешение от дел и возвращение всем сердцем к Нему «в седьмой день». И не случайно Четвертой Заповеди соответствует Заповедь Девятая на второй скрижали:

Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего. (Исх. 20, 16)

Кроме буквального смысла, чрезвычайно важного для каждого общества в любую эпоху, Девятая Заповедь имеет и смысл скрытый, проявляющийся при сопоставлении ее с Заповедью Четвертой. Истинное свидетельство о Боге — соблюдение предписанного Им субботного покоя. А ложное свидетельство — его отмена или нарушение. В то же время празднование Субботы и «ангельская» жизнь в этот день, изъятый из-под власти забот и суеты, призваны очищать сердце от лжи, приучать к справедливости, истине и милосердию. Так человек учится любить ближнего, как самого себя, и свидетельствовать о нем и ему только истину.

Пятая Заповедь:

Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе. (Исх. 20, 12)

Апостол говорит нам, что «...это — первая заповедь с обетованием...» (Еф. 6, 2). В предыдущих заповедях нет обетований, воздаяние за их соблюдение только подразумевается. Здесь же обетование ясно выражено: «...чтобы продлились дни твои...» Почитание земных источников собственного бытия делает жизнь человека прекрасной и осмысленной, и он в полной мере становится достоин продления такой жизни.

А почему же данная заповедь начертана не на второй скрижали, а на первой, где перечислены обязанности человека по отношению к Богу? Ведь обязанности по отношению к ближним записаны на второй скрижали? Однако отец и мать не являются только лишь ближними. Они находятся в каком-то смысле в положении «между Богом и ближними». Они — как бы «посредники Божьи» в сотворении человеческого тела и «устройении» его души, «земные творцы» человека, предназначенные к этому самим Богом. Какими бы они ни были по своим душевным, духовным или моральным качествам, рожденный ими обязан почитать их. Здесь не сказано «люби отца и мать», потому что любовь — внутреннее, интимное чувство, не возникающее по указанию, но сказано «почитай», что означает: соблюдай их волю во всем, кроме того, что связано с нарушением воли Божьей. Во всем же остальном ты должен уважать родителей, проявляя почтение всеми возможными способами. И эта заповедь входит именно в число предписаний, регулирующих отношения человека с Богом, что не случайно, поскольку всякое общественное устройство начинается с устройства семьи. Без почтения к родителям распадается все: и межличностное общение, и связь поколений, и традиция Богопочитания, культивируемая в семьях и передаваемая от предков к потомкам...

Пятой Заповеди соответствует последняя — Десятая, записанная на второй скрижали:

Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего. (Исх. 20, 17)

В семье, сохраняющей Пятую Заповедь, скорее всего будет соблюдаться и Заповедь Десятая. Человек, почитающий родителей, будет благодарен Богу, Который предопределил его духу облечься в плоть именно в этой

семье. Такой человек станет ценить свое и не желать чужого. А дети, непослушные и непокорные родителям, когда вырастут, возжелают овладеть чужим добром. Чтобы приучиться к исполнению Десятой Заповеди, нужно быть довольным своим уделом, в том числе своей семьей, родителями, которых дал нам Бог для исправления и возрастания духовного, ибо Ему ведомо, в какие условия поместить тот или другой человеческий дух.

Итак, последняя из Десяти Заповедей начинается словами «Не желай...» Если предшествующие заповеди связаны с действиями, то эта — с внутренним состоянием, с желанием. Она запрещает не только отнимать или присваивать принадлежащее ближнему, но даже желать чего-либо подобного. С пожелания начинается нарушение каждой из Десяти Заповедей: например, идолопоклонство — с желания служить иным богам, с признания их значимости; убийство — с чувства гнева или ненависти; прелюбодействие — с вожделения и т. д. Мысль, чувство и воля — это первоосновы действия. Волевой акт неразрывно связан с самой сущностью мысли и чувства. И поэтому в Нагорной проповеди Иисус Христос, объясняя Закон Божий, учит нас:

Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду.

А я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синедриону; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной. (Матф. 5, 21–22)

Здесь поясняется, что убийство начинается с гнева, рождающего желание умертвить другого.

Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй.

А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. (Матф. 5, 27–28)

Также и прелюбодействие начинается с помысла или стремления, переходящего в сознательный волевой акт, а затем — в действие. Таким образом, последняя заповедь бросает новый свет на все предыдущие.

Внутренний мир человека есть тот Храм, то пространство, в котором надлежит царствовать заповедям Божьим. Они должны быть начертаны на человеческом сердце и исполняться духовно (Иер. 31, 33).

Существуют как бы «пять заповедей», каждая из которых включает в себя две — относящуюся к Богу и к ближнему. Пять «пар» заповедей соответствуют пяти уровням человеческой души, о которых мы кратко упомянули в лекциях по Книге Бытия (с. 51–52). Самая высшая часть души, называемая אֵלֶּהֶדָא «*йехида*» — «единственная», «единая» (ср. Песн. П. 6, 9), соответствует уровню «Я Господь, Бог твой...», потому что «исток» души человеческой коренится непосредственно в Божественном, исходит от Господа (Быт. 2, 7; Числ. 16, 22). Она есть непреходящая и не могущая подвергнуться осквернению часть сущности человека. И с ней же соотносима заповедь «Не убивай», потому что высшая часть человеческого существа имеет возможность проявляться на земле благодаря неразрывной связи между духом, душой и телом, и нарушение этой связи через насильственное лишение человека жизни есть святотатство.

Следующему уровню души — חַיָּה «*хайа*» («живая») — соответствует Вторая Заповедь, запрещающая поклоняться кому-либо и чему-либо, кроме Господа, «на небе, на земле и под землею», потому что жизнь души, связанная с уровнем «хайа», присутствует повсюду. «Хайа» — словно бы единая, общая душа, одна на всех, и каждый имеет в ней свой «удел». Ее можно назвать «мировой душой», которая постоянно исходит от Бога. Если мы приписываем самостоятельную жизнь, самостоятельное бытие чему бы то ни было вне и помимо Божества, то заблуждаемся и согрешаем. И только понимая, что всякая жизнь исходит от Бога, мы перестаем поклоняться чему-либо и кому-либо, кроме Него; ибо всё на небе, на земле и под землей есть только проявление жизни Божьей. Воздавать же славу надлежит, конечно, Причине, а не следствиям. И этому положению соответствует заповедь «Не прелюбодействуй», потому что продолжение жизни — бытие души на уровне «хайа» — может осуществляться только благодаря «законному соединению» ее с Творцом, а не незаконному — с идолами.

Третья Заповедь «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно...» соответствует третьему уровню души — נֶפֶשׁ «*нешама*», т. е. «выдыхающая», или «дающая жизненные силы», которые передаются, сообщаются ею «вдыхающей» части души — רֵוַח «*нефеш*» — посредством רוּחַ «*руах*», т. е. «дыхания», «духа», промежуточного между «нешама» и «нефеш». «Нешама», «выдыхающая» часть души, — начало самодвижущееся, наделенное особым самосознанием, начало бессмертное, и соответствует оно именно Третьей Заповеди, потому что имя Божье — святая сердцевина и источник самого бытия, и отсюда жизнь человеческого существа распространяется и распределяется по всем его уровням. Если имя Божье осквернится, то скверна распространится на все уровни человеческой личности, и тогда «нешама» не сумеет сообщать живительные силы «ниже расположенным» слоям души, которые от нее зависят. И поэтому второй в паре с Третьей Заповедью является Восьмая — «Не кради». Оскверняя имя Божье, «лишая его славы», человек тем самым «крадет» эту славу, присваивая ее себе или наделяя ею низшие, зависимые от Бога формы бытия. Тем самым он ставит преграду жизненным силам и благословениям, пристекающим свыше.

Четвертая часть души, «руах», связана с высшими эмоциями человека, с его интуицией, прозрениями, молитвенным экстазом, и соответствует Четвертой Заповеди — «Помни день субботний...». «Дыхание», передаваемое от уровня «нешама» и воспринимаемое уровнем «нефеш», человек получает во сне, когда его земное «я» восходит в высшие сферы и принимает от них силу для продолжения земной жизни. Это, однако, происходит бессознательно. Сознательно же человек может находиться на уровне «руах» в пророческом откровении и в молитвенном общении с Господом — в том «субботнем покое», который Он даровал для отрешения от всякой суеты, для приближения к Нему всем сердцем. Не исполняющий Четвертой Заповеди человек ставит преграду на пути «дыхания» — проявления начала «руах», и это «дыхание» не может достигнуть уровня «нефеш», освятить и облагородить душевно-физический состав нашего существа.

Таким образом, нарушая Первую и Шестую Заповеди, мы ставим преграду и как бы «отрезаем» себя от уровня «йехида»; нарушая Вторую

и Седьмую — прерываем общение с уровнем «хайа». При этом в первом случае мы лишаемся постоянного ощущения своего единства с Богом и со всем сущим, соответствующим уровню «йехида». Во втором случае — лишаемся причастности к высшей, истинной жизни, именуемой «хайа». Нарушая Третью и Восьмую Заповеди, теряем осознание своего высшего предназначения, утрачиваем самоотождествление со своим высшим «я» — «нешама». Несоблюдение Четвертой и Девятой Заповедей отнимает у нас одухотворенность и гармонию бытия, даруемые началом «руах».

И, наконец, Пятая Заповедь («Почитай отца твоего и мать твою...») и Десятая («Не пожелай ничего... что у ближнего твоего...») связаны с «нефеш», что означает «вдыхающее» начало. Это последний, «низший», слой нашей души, получающий жизнь непосредственно — через «руах», а опосредованно — от всех «слов» души, находящихся выше. Ясно, что непочитание родителей разрушает семью, т. е. основу жизни общественной, в то время как постоянное стремление к присвоению чужого и недовольство своим разрушает основу жизни индивидуальной, т. е. жизни как раз на ступени «нефеш».

Подводя итог рассмотрению Десяти Заповедей, мы делаем заключение, что их исполнение самым прямым и непосредственным образом связано с жизнью человека во всей многогранности и многослойности ее проявлений. Поэтому Моисей так говорит о Законе Божьем:

...Ибо это не пустое для вас, но это жизнь ваша... (Втор. 32, 47)

Атеисты и материалисты пытаются доказать, что заповеди представляют собой нечто устарелое, архаично сформулированное и несущественное для нашей эпохи. Однако, чем внимательнее человек всматривается в их суть, тем отчетливее он осознаёт их непреходящее значение, притом осознаёт даже не на высоком, мистическом, уровне, а на обычном — социальном и психологическом. Попытаемся, например, представить себе, что бы произошло, если люди вдруг договорились между собою исполнять... даже не все Десять Заповедей, а одну-единственную, к примеру, Шестую: «Не убивай». Мы могли бы без риска для жизни прогуливаться в самых опасных ныне местах днем и ночью — на нас никто бы не напал. Исчезли бы убийства, а вместе с ними — самоубийства, которые тоже запрещаются этой заповедью. Исчезли бы навсегда войны, уносящие неисчислимое число жизней. Наконец, исчезли бы армии, требующие на свое содержание львиной доли национального дохода государств. И средства, растрачиваемые на производство орудий убийства, были бы направлены на пропитание всех, умирающих на Земле от голода... Ибо заповедь «Не убий» требует, конечно же, и не сидеть сложа руки, глядя на умирающих от голода! Исчезли бы не только голодающие, но и бедные. Люди, встречая друг друга, уже не боялись бы не только убийства, но и ненависти, которая к нему ведет, и это стало бы основой совершенно иных отношений между ними. Жизнь на земле превратилась бы в «без пяти минут рай» в результате исполнения только одной-единственной заповеди.

Из приведенного примера мы заключаем, что заповеди не только не «устарели», но даже еще не осознаны человечеством в полной мере! Не

только очистится, возвысится, одухотворится все человечество, но и воистину наступит Царство Божье на земле, если все люди согласятся исполнять эти заповеди. Не случайно так сказал Иисус некоему юноше:

...Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди. (Матф. 19, 17)

Именно из-за того, что человек сознательно не хочет, а часто, будучи осквернен грехом, и не может уже исполнять заповеди, или вообще не помнит о них, понадобились жертвоприношения, которые сопровождают всякое отступление от Закона. И кульминацией, высшим выражением и завершением всех жертвоприношений, совершавшихся во искупление грехов против заповедей, явилась Голгофская жертва Иисуса. Потому что, если бы люди хотели и могли исполнять все заповеди Закона Божьего, не нужны были бы и жертвы за их нарушение...

Сохранили ли заповеди свое непреходящее значение в Новом завете? Существует мнение, что Закон Иисусом был отменен. Однако такое мнение напоминает опасное «заблуждение беззаконников», о котором предупреждал первых христиан еще апостол Петр (II Петр. 3, 16–17).

Слова Иисуса, обращенные к благочестивому юноше (Матф. 19, 16–17), показывают, что вне соблюдения заповедей нет надежды на вечную жизнь (ср. I Иоан. 5, 2–3; Откр. 22, 14). Иначе говоря, само соблюдение заповедей уже есть начало вечной жизни, начало восстановления сыновнего общения человека с его вечным Творцом. Именно Дух Божий, Дух Святой, поселяясь в верующих, как в своих храмах, дает им силу одолевать злые наклонности, побеждать грех, т. е. беззаконие, и соблюдать заповеди Божьи (I Иоан. 3, 4–8; Римл. 7, 22–23; 8, 3–4 и 7).

И в будущем мессианском веке право вкушать от древа жизни получают именно соблюдающие заповеди — им откроется вход в Небесный Иерусалим:

Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами. (Откр. 22, 14)